

Экономический редукционизм и его социально-философское значение: границы и возможности

И. А. Оглоблина
ассистент

Под влиянием классических мыслительных схем, функционирующих в общественном сознании со времен Нового времени, в хозяйственной практике индустриального общества экстенсивного типа сформировались технологии экономического редукционизма — стереотипы мышления, деятельности, поведения, ориентированные на количественное, вещно-абстрактное накопление и потребление. Различая понятия «редукционизм» и «экономический редукционизм», попытаемся определить каждое из них. В современном общенаучном знании И. Барбур* выделяет три типа редукционизма:

1. *Методологический*. Стратегия исследования методологического редукционизма строится на расчленении целого на отдельные части, игнорируя синтетические и композиционные подходы, предполагающие, что на высокоорганизованных уровнях существуют принципиально иные модели поведения (в первую очередь, самого целого). Данный подход применим в областях, которые изучают организм в целом, как например, популяционная генетика, эмбриология, экология. Если закономерности, наблюдающиеся на низших уровнях, настолько сложны, что на их основе невозможно предсказать закономерности более высоких уровней, редукционизм предполагает многоуровневый анализ.

2. *Эпистемологический*. Принцип исследования эпистемологической редукции исходит из убеждения в том, что теории и законы, действующие на одном уровне, можно выводить из теорий и законов, относящихся к другому уровню. При этом считается, что одна теория

* Барбур И. Религия и наука: история и современность. М., 2000. С. 283-287.

может быть сведена к другой, если: есть возможность установления связей между всеми понятиями обеих теорий; один набор теоретических положений выводим из другого. Данный подход при определенных ограничениях применим в области междисциплинарных построений, с учетом того факта, что единство науки не выстраивается как иерархический ряд редукций между теориями.

3. *Онтологический.* Принцип исследования, предполагающий экстраполяцию первого и второго подходов на формирование некоего представления о реальности; при замещении эпистемологического понимания различия между уровнями анализа онтологическим понятием различия уровней организации и деятельности. Предметом внимания оказывается сама природа вещей, существующих в мире, сводимая к материализму и органицизму.

Проясняя общеметодологические истоки редукционизма, обратимся к естественнонаучным предпосылкам формирования его перечисленных значений и смыслов. Редукционизм сформировался в рамках научного метода Галилея, который затем был обоснован и принципиально развит Ньютоном и Декартом*. Выделим методологические установки Ньютоновской физики («классической механики»):

- Мир есть собрание внешних разрозненных материальных объектов природы («вещей»), каждому из которых предписывается внутренняя непостижимая сущность.
- Изучается один вид природных изменений — процесс механического движения природных объектов. Объекты лишь механически взаимодействуют друг с другом, в силу чего между ними допускается существование взаимоотношений, но процессуальный и многокачественный характер их взаимоотношений исключается. Эти взаимоотношения, во-первых, вторичны, во-вторых, — вещны, в третьих, — статичны (траектории их движения заданы). В мире вещей все предсказуемо, программируемо и вычисляемо, здесь нет места случайностям.
- Предсказательная сила классической механики основывается на описании «регулярности», т.е. на постоянстве параметров, которые могут быть измерены и исчислены в любой момент времени. Время обратимо («вечно») и играет роль геометрического параметра.

* Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К., 2003. С. 33-53.

- Все факторы существования природного мира сводятся к единому и Всеобщему, состоящему из суммы элементов-первокирпичиков. Фундаментальными становятся понятия материи, движения, закона и постулат обратимости динамических траекторий.
- В любой сложной системе поведение целого может быть полностью понято на основе свойств его частей — т.е. характеристики целого полностью определяются простой суммой характеристик его элементарных составляющих, функционирующих изолированно друг от друга по заданным траекториям.
- Все события и связи ньютоновского мира заданы и сведены в единую причинно-следственную цепочку. Ее звенья можно «собрать» и «разобрать» в линейной последовательности посредством соответствующих логических процедур.
- Допускается полная независимость начальных условий. Данное допущение не только дает право человеку (ученому) управлять динамической системой, но и предполагает, что он может вычислить ее требуемое начальное положение так, чтобы система самостоятельно спонтанно могла перейти в желаемый момент времени в любое заранее заданной состояние.
- Ньютоновское понимание естествознания представляет науку как способ воздействия на окружающий мир, позволяющий в любой момент времени как предсказать, так и изменить ход протекающих природных процессов.

Переместившись из естественнонаучного знания в гуманитарное, а точнее, в теоретические построения классической политической экономии, «редукционизм» (думается, не теряя своих ипостасей) становится «экономическим редукционизмом». В марксологической литературе западных стран и в советской науке понятие «экономического редукционизма» интерпретируется прежде всего как попытка обосновать положение о том, что производство и воспроизводство материальных условий жизни является исходным пунктом и основной причиной всего исторического процесса. Данная трактовка исторической специфики социальной жизни восходит к задачам, решаемым в XIV—XVIII вв. классической экономической наукой Нового времени. Наиважнейшая из них — познание законов природы и теоретическое обоснование результатов такого познания — поставлена самим процессом перехода средневековой экономики на уровень индустриальной цивилизации.

В XIX-XX вв. усилиями Маркса и Вебера «экономический редукционизм» импортируется в социальную теорию. Эпицентром познавательных процессов становятся проблемы общества и человека; индивид рассматривается как составная часть различных общественных образований и носитель социальных отношений. В фокусе социологического анализа оказываются общество, социальные отношения и социальные процессы, специфически трактуемые в призмe «экономического редукционизма». В первой половине XX века в рамках неортодоксальных версий марксизма («западного марксизма» и «неомарксизма») появляется опыт постановки и решения новых проблем, связанных с методологией познания и общественной практикой, с развитием личности, культуры и нравственности. Позитивистский объективизм, экономический редукционизм ортодоксальных марксистов, примат материального производства, акцент на превалирующем значении экономической стороны социальной жизни жестко критикуются в работах Антонио Грамши, Георга Лукача, Марка Хоркхаймера, Теодора Адорно, Герберта Маркузе и др.

Однако научного осмысления «ньютоновских» истоков экономической логики анализа социальных процессов не последовало. Между тем, представляется, что рефлексия подобного рода могла бы прояснить социально-философское значение экономического редукционизма как методологии особого рода, растворяющей социальное в экономическом. В чем социально-философское значение экономического редукционизма? Какому типу социальности имманентны экономикоредукционистские технологии мышления, деятельности, поведения? К изучению чего в социальности этого типа применим экономический редукционизм? Каковы социальные границы возможностей его применения? Осмысление этих проблем видится целесообразным при постановке и решении вопросов несколько иного характера.

I

Социально-философская проблематика классических построений теории цены

Выше мы выяснили, что экономический редукционизм понимается как методология, в режиме логики Ньютона обосновывающая, что производство и воспроизводство *материальных условий жизни* является исходным пунктом и основной причиной всего исторического процесса. Как такая методология сформировалась в экономической науке? Что следует понимать под социально-философской

проблематикой теории цены? В чем суть экономизма редукционистского осмысления социально-философской проблематики теории цены? Какой стереотип теоретического мышления можно назвать «мыслительной технологией экономического редукционизма»?

Буржуазная политическая экономия, возникнув как одна из подотраслей общественных наук, унаследовала от них интерес к фундаментальным проблемам общества и претензию на знание о том, что определяет социальную структуру, движущие силы и механизмы общественной жизни. За основу таких «механизмов» А.Смитом был принят рыночный обмен. Взгляды Смита на природу движущих сил и механизмов общественной жизни можно полагать основанием классической идеи о том, что в эпоху капитализма социальная система должна быть построена на обмене и присущей ему взаимности и что рынок является эффективным механизмом координации индустриальной общественной жизни. Исследование рыночного обмена как «механизма» организации индустриального общества сфокусировалось в области построения *теории цены*. Именно при разработке теории цены образовался круг теорий, ставших традиционными в экономической науке (например, теории стоимости и прибавочной стоимости, заработной платы, спроса и предложения, ренты, скорости обращения денег, народонаселения), и наметилась узловая проблематика классической экономической мысли, уточняющая и детализирующая эти закономерности.

В первую очередь, теория цены (представленная в форме теории трудовой стоимости) была призвана разрешить вопрос об источниках возникновения народного богатства. В фокусе внимания оказывается сфера производства, где ищется источник богатства, а предметом изучения становятся законы производства, накопления, распределения.

Во вторую очередь, теория цены должна была разрешить вопрос о таких стереотипах социального поведения, которые отвечали бы социальному запросу в самостоятельном, индивидуальном, ведении дел. Предметом исследования становятся общественные условия и правила рыночного поведения, максимально благоприятные для роста материального общественного богатства.

К. Поланьи* выявил особенности исторической ситуации, сопутствующей выделению рыночного обмена в качестве «механизма»

* Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истории нашего времени. СПб., 2002. С. 77-84.

организации индустриального западноевропейского общества. Вплоть до конца Средневековья самоуправляемые европейские города придерживались принципа неконкурентной местной/дальней торговли и препятствовали развитию рынка — свободной нерегулируемой торговли. Это обстоятельство заставило выйти на первый план территориальное государство в качестве орудия «национализации» рынка и создания внутренней торговли: «внутренний рынок в Западной Европе возник благодаря вмешательству государства». В XV-XVI вв. там, где рынки достигли наивысшего развития, они процветали под строгим надзором централизованной администрации. Это подтверждается расширением государственного вмешательства в промышленность эпохи меркантилизма. Фактически государственное регулирование полуфеодальной экономики и рынки росли параллельно. Меркантилисты и сторонники феодализма расходились лишь в методах регулирования: цехи, города и провинции полагались на силу обычая и традиции; тогда как новая государственная власть предпочитала статусы и ордонансы. Но и те, и другие были враждебны идее коммерциализации труда и земли — необходимому условию рыночной экономики.

Двойственность экономической политики (государственное регулирование и рыночная свободная конкуренция), проводимой меркантилизмом, обусловила двойственность теоретических построений, объясняющих ценообразовательный процесс. Появились теории-кентавры, сочетающие, во-первых, формулировку и обоснование закона накопительного ценообразования, во-вторых, — обоснование правил рыночно-нерыночного поведения. К «законодательной» части этих теорий можно отнести разработки теории трудовой стоимости и закона стоимости (в их согласованности/несогласованности с теориями спроса и предложения). К «поведенческой» — различного рода метафоры (LAISSEZ FAIRE У.Петти, закон Природы Ф.Кенэ, Невидимая рука рынка А.Смита), в явной или неявной форме содержащие обращение к силе провидения, и призванные выработать такие правила конкурентного поведения между людьми в процессе товарного обмена, которые бы сочетали в себе основные положения абсолютистской и утилитаристской этики.

Каковы характерные особенности экономического редукционизма как методологического стереотипа социального исследовательского мышления?

II

Экономический редукционизм как методология «законодательной» основы теории цены: социально-философский аспект

Показать особенности экономического редукционизма как методологии социального анализа «законодательной» ипостаси теории цен видится возможным при обращении к проблематике стоимости.

Как логика И. Ньютона повлияла на трактовку социального аспекта теории цены в ее «законодательной» части?

Экономическая наука Нового времени пытается сформулировать закон, «естественно-природно» управляющий социальным порядком; закон, рождаемый самой экономикой и помогающий понять (описать) развитие и экономики, и общества — с тем, чтобы изучать и прогнозировать их развитие, управлять ими в заданном экономической идеологией направлении с помощью рациональных мыслительных процедур, опирающихся на здравый смысл эмпирии «накопительного» поведения и действий. Политической предпосылкой такой исследовательской установки К. Полањи полагает превращение в конце XVIII века регулируемых государством рынков в саморегулируемые*. Теперь уже не экономика встраивается в систему социальных связей, а социальные связи — в экономическую систему. В данной связи Полањи отмечает институциональное разделение общества на экономическую и политическую сферы и сопутствующее ему подчинение общества рыночной экономике.

Одержимые идеей поиска закона саморегуляции рынка (а следовательно, и общества) и естественнонаучным предписанием объяснять деятельность сложных объектов законами, управляющими их составными частями и отдельными частицами, адепты классической политической экономии, во-первых, выделяли единую субстанцию товарного мира, обозначая ее понятием «стоимость»; во-вторых, — руководствуясь идеей Аристотеля, пытались привести эту субстанцию в соответствие с наблюдаемыми экономическими феноменами, задавшись целью определять с ее помощью ценовые пропорции товарообмена. Иначе говоря, формировался классический каузальный подход к изучению экономических процессов различного рода, ориентированный на поиск субстанциальной первоосновы товарного хозяйства

* Там же. С. 77-84.

в структуре одного-единственного фактора производства, создающего общественное богатство. Исхождение из такого принципа говорит об универсализме/холизме методологических построений системы политэкономии. Холистический подход к пониманию картины мира восходит к аристотелевской системе, согласно которой в природных процессах целое важнее своих составляющих. По Аристотелю, мир представляет собой иерархическую систему, в которой одни формы подчинены другим формам. Холизм является жанром, типичным для схоластов, философов естественного права и экономистов XIX века: в его рамках в единую систему увязываются все социальные, экономические, политические, этические, психологические закономерности развития человеческого общества.

Обнаружение субстанциональной основы товарного мира казалось осуществимым посредством разработки логически непротиворечивого категориального аппарата, позволяющего выводить закон стоимости как такой порядок установления причинно-следственных связей между явлениями (частями целого), который приводит к накоплению богатства. Методологически закон стоимости обосновывался по принципу сборки частей в целое — т.е. как простейший порядок экономической организации, приводящий к накоплению богатства по наикратчайшему пути последовательного развертывания (возрастания) количественной определенности товарной субстанции экономического воспроизводства общественной жизни. Здесь следует подчеркнуть: доказывая существование субстанциональной первоосновы товарного мира («стоимости») как некоей качественной определенности этого мира, классики оперируют ее количественной определенностью, руководствуясь естественнонаучными принципами измеряемости, объективности, точности, проверяемости, воспроизводимости изучаемых явлений. Экономика при этом понимается как особая вещь-машина, расширенно воспроизводящая товарные блага и средства производства в силу своей ориентации на количественное умножение материального и денежного богатства. Более того, экономика уподобляется механизму, в котором все сцеплено причинно-следственными связями, повторяющимися и стягивающимися в некий закон («стоимости»), познав который, возможно описать общество раз и навсегда, в строго иерархически подчиненных категориях.

В режиме данной логики поиск источника богатства в политической экономии выстраивается по принципу «целое состоит из суммы частей»: следуя ему, необходимо найти то явление (например,

трудовой процесс «самовозрастания стоимости»), которое можно было бы принять за «первичную» универсальную часть, чья частная качественность отражала бы всеобщность свойств целого и являла бы собой начальное звено цепочки сведения всех частей к целому. К этому явлению можно так же редуцировать и само целое, если запустить процесс мышления в обратном направлении. Целое — это общество, социальный порядок вещей, устанавливающийся в простом или расширенном воспроизводстве товарного хозяйства; его части — категории, описывающие феноменологию воспроизводственного процесса (выстроенные в причинный ряд, они образуют количественную линейную последовательность, собирающую целое: оно результат «количественной сборки» или суммирования, накопления частей).

В чем суть социального аспекта стоимости?

Дж. С. Милль отмечал, что термин «ценность» в экономической теории был относительным понятием и означал лишь меновое соотношение между любыми двумя товарами или услугами. Аналогично термин «цена» означал лишь меновое отношение между произвольной единицей любого товара или услуги и товаром, выбранным в качестве денег. Й. Шумпетер подчеркивал, что меновая ценность является лишь особой формой универсального коэффициента трансформации, вокруг которой вращается вся логика экономических феноменов. Поскольку ценность была соотношением, то, по Шумпетеру, не существовало общей ценности всех услуг (всего богатства) взятых в целом. Неоднозначность английского слова «value», трактующегося как «ценность», «полезность» и «стоимость» одновременно, позволяет думать иначе. Историческая экономическая мысль не дает ясного определения ни одного из вышеперечисленных значений «value», в связи с чем они по сей день остаются предметом научных дискуссий и самыми философскими и загадочными из всех экономических категорий. Представляется, что социальный аспект трудовой стоимости сконцентрирован в признании классиками *эквивалентного обмена* по ценам, усредненно приближенным к трудовым издержкам. Известно, что А. Смит, унаследовав от Ф. Кенэ принцип эквивалентности, по традиции, заложенной Р. Кантильоном, исходил из *тождества товарной стоимости и цены**.

* Шумпетер Й. История экономического анализа // «Истоки». Вып. 4. М., 2000. С. 344-389.

Он полагал, что в условиях простого товарного производства весь продукт (его стоимость) принадлежит работнику как единственному собственнику. Поэтому допустимо считать, что товары вступают в товарообмен с заранее заданной ценой, а сам обмен является эквивалентным. Другими словами, при обмене по ценам, отражающим количество издержек труда на товарное производство, «мои» затраты труда превращаются в «твои» затраты труда, и наоборот. Тем самым утверждается не только равенство «моих» и «твоих» стартовых позиций (потенциальных способностей к накоплению), но и свобода возможностей обогащения. В этом контексте теория стоимости представит специфическим способом рационального обоснования наивысших социальных ценностей эпохи Просвещения: свободы и равенства демократических прав (на жизнь, труд, образование, вероисповедание и др.). В эмпирии же стоимостных отношений свободу гарантировало правило «LAISSEZ FAIRE, LAISSEZ PASSER»: предоставьте людям делать свои дела, предоставьте делам идти своим ходом. Такова инверсия теории стоимости в теорию ценности — экономическую основу либеральной идеологии индустриального общества, обратившую в конечном итоге мышление среднестатистического гражданина к экзистенциальному смыслу свободы образа жизни, мыслей, чувств, действий. Инверсия подобного рода во многом обусловлена эволюцией теоретических взглядов по поводу социальной «ценности» экономики.

Какова определенность социального аспекта стоимости? Анализируется ли ценность денежных (ценовых) отношений между людьми?

Одним из основных методологических стандартов классической экономической науки является принцип измеряемости: согласно ему, затраты труда традиционно полагаются измеряемыми. Исторической экономической мыслью обоснован закон редукции труда (Аристотель, Петти, Маркс), рассматривающий противоположность интеллектуального и физического труда, сведенную к противоположности сложного и простого труда, где сложный труд понимается как простой, возведенный в степень. Однако измерение сложного труда количествами простого труда не имеет математического смысла, и классические определения труда могут быть поставлены под сомнение: сама энергия затрат человеческого труда не однородна. В связи с этим не представляется возможным различить в ней качественность энергии

абстрактного труда, с тем, чтобы измерить ее рабочим временем. Но тогда получается, что труд либо лишен измеряемой качественности, либо может быть измерен косвенно, в форме оплаты труда (зарботной платы). В любом случае, классический категориальный аппарат экономической науки не адекватен ни уровню современных научных знаний, ни уровню сложности самих экономических процессов. По сей день наука не располагает эталоном, позволяющим измерять и сравнивать любой труд. Таким образом, экономический редукционизм классического анализа стоимостной субстанции ценообразования можно определить как метод подмены качественной определенности стоимости ее количественной определенностью. Социальный аспект стоимости — «value» в значении «ценность» — редуцируется к часам рабочего времени, измеряющим количество труда, воплощенного в товаре. Ценность денежных (ценовых) отношений между людьми не улавливается средствами методологии экономического редукционизма. Обращение же Маркса к понятию «общественно-необходимый абстрактный труд, занятый в процессе материального производства», — позволяет говорить о том, что количественная определенность стоимости (часы общественно-необходимого рабочего времени на производство товара) характеризует лишь агрегатные, совокупные, абстрактно-общие трудовые затраты рабочей силы. Индивидуальные затраты труда конкретной личности средствами методологии экономического редукционизма не улавливаются.

III

Экономический редукционизм как методология «поведенческой» основы теории цены: социально-философский аспект

1. Раскроем «естественно-природные» основания методологии экономического редукционизма, обращаясь к формуле свободного ценообразования — LAISSEZ FAIRE, LAISSEZ PASSER (предоставьте людям делать свои дела, предоставьте делам идти своим ходом). LAISSEZ FAIRE — принцип конкурентного поведения — применялся врачами-естествоиспытателями У.Петти и Ф.Кенэ для осмысления социальной проблематики ценообразовательного процесса (LAISSEZ FAIRE они заинтересовались в связи с идеей о наличии в экономике объективных закономерностей, сравнимых с естественными законами

природы). В призме естественнонаучной эмпирии «законодательного» исследования основ ценообразования требование «предоставить действовать природе», «предоставить делам идти своим ходом» (т.е. сообразно природе вещей) означало:

Во-первых, найти производительную силу природы, движущую делами людей в обществе, но проявляющую себя в качестве таковой лишь на экономическом уровне человеческой жизни. Природный мир един, следовательно, единым (однородным, одноприродным) должно быть и действие его производительной силы. Данная сила должна была полагаться единой, поскольку экономически она приложима к обществу, по законам ньютоновской логики рассматриваемому как единое целое, механистически собираемое из частей.

Во-вторых, исходить из того, что мощность (активность) действия искомой производительной силы природы в руках людей не должна противоречить естественному ходу вещей — т.е. должна быть в гармоническом соответствии со своим воплощением в вещах и в человеке, который лишь ее посредством производит вещи. Человек не должен ее усиливать или ослаблять, он — лишь ее посредник. Человек — часть природы, носитель ее производительной силы. Процесс человеческого труда есть воплощение производительной силы природы в человеке. Труд — производительная сила природы в человеке, придающая природному веществу форму. Истоки экономического редукционизма в рассуждениях о ценообразовании — сведение жизни общества к примату материального производства — усматривается именно в установках обращения к труду и земле как к формам проявления производительной силы природы (материи).

В данной связи модель ценообразования Петти построена на обращении к труду (при разработке основ концепта разделения труда) и земле как к первичным факторам производства, в число которых не включался капитал, рассматриваемый как накопленный труд. Земля у Петти — источник сырья, а труд — производственный фактор, придающий природному веществу форму. Земля и труд на равных началах участвуют производстве богатства. Производимая в соответствии с предписаниями классической физики редукция цены к часам работы, затраченным на создание зерна и серебра, предполагает дальнейшее обращение со стоимостями земли и труда как со слагаемыми частями некоего целого, под которым подразумевается аристотелевский универсум товарного мира. Подобная логика «количественного прогнозирования» экономических процессов социальной

жизни действует по принципу ньютоновского механизма солнечной системы, все части которой функционируют как единое целое*.

В третьих, правило «laissez faire» предписывало найти такой эталон мощности (активности) действия искомой производительной силы природы, в соответствии с которым последняя могла бы быть измерена (например, в форме затрат времени процесса труда) — с тем, чтобы было возможно придерживаться гармонической меры трудового воздействия людей на природное естество вещей, и через экономику установить гармонию между природным и социальным миром. Экономика, основанная на земледелии, есть часть природного мира — посредник этой гармонии. Она управляется правлением «законов от природы», проводником которых становится буржуазное государство, чья политическая жизнь первоначально служит средством сохранения прав человека (позднее политика обособляется от гражданского общества, отделяет реального человека от гражданина как исключительного человека). Предсказательная сила «небесной механики» Ньютона основывается на постоянстве параметров, которые она учитывает (поэтому в мире естественных наук столь важным является описание «регулярности»). В классической политической экономии оно так же считалось важным, и вот по какой причине.

Если такой показатель был бы найден, то им можно было бы руководствоваться в государственной политике — с тем, чтобы заложить его в основу воспроизводственного процесса и наметить основные народнохозяйственные пропорции, поставив экономические процессы на службу социальным целям. Выделение стоимости как основы рыночного ценообразования и попытка количественного определения величины стоимости посредством ее редукции к затратам земли указывает на стремление Петти зафиксировать закон рыночного воспроизводства общества как естественный ход вещей, проявление которого в природе земли/труда можно измерить — так, чтобы выявился экономический эталон государственного управления. Посредством этого эталона любые меры экономической политики станут соизмеримы. Государство, ориентируясь на эталон, выявленный эмпирией рыночных земельно-природных отношений, будет способно воздействовать на общество адекватно «естественному ходу вещей», наблюдаемому в экономике. Получается, что и Петти допускал существование свободной торговли как бы параллельно государственному регулированию социальной жизни. Логика:

* Там же. С. 344-389.

процесс свободной торговли (обмен пшеницы на серебро) выявляет эталон, государство же разумно использует его на благо общества, соизмеряя с ним свои траты.

Следует так же отметить, что воззрения Петти были основаны на идее эконометрического исследования, согласно которой числовые расчеты должны лежать в основе любой науки, если по своей природе она имеет дело с количествами. Наука — это измерение. Труды Петти — одни из первых в количественной экономической теории. Он первым создал правила и методы политической арифметики (искусства рассуждать с помощью цифр о вещах, относящихся к государственному управлению). По мнению Й.Шумпетера, Петти исходил из следующего набора принципов теоретического построения:

1. Замена рассуждений сбором фактов.
2. Выражение мыслей на языке цифр, весов и мер.
3. Теоретические обобщения — совместный результат цифровых данных и рассуждений.
4. Создание аналитических инструментов, призванных обрабатывать числовые факты (например, применение статистических исследований для вычисления значения национального дохода).

Связь данного методологического инструментария с соответствующими методами естественных наук и с ньютоновскими принципами очевидна. Истоком механистических редукций теоретических построений Петти видится, во-первых, традиционная для естествонаучного эмпирического знания Нового Времени идея о том, что общество является механической системой и может быть проанализировано согласно предписаниям классической физики Ньютона; во-вторых — традиционная для всех естествоиспытателей установка: экономика, основанная на земледелии, есть часть природного мира, природа есть машина, как и экономика.

О методологии Кантильона и Кенэ, показывающих «картину» хозяйственной жизни общества «с высоты птичьего полета», можно сделать тот же вывод. Экономическая таблица Ф.Кенэ — не только предтеча макроэкономического анализа, но и образец механицизма в описании экономической жизни общества. Взгляд на экономику как на единое целое, сформулированный Кенэ, подвел его к субстанциальному смыслу понятия «стоимость», привносящему в теорию стоимости идею взаимозависимостей, описывающих экономику как единое упорядоченное целое, и раскрывающихся посредством системы логически связанных отношений.

Классическая экономика западноевропейского общества конца XVIII века оказалась подверженной институциональным изменениям, и ее закономерности не были столь устойчивы, как, например, гравитационные. Поэтому использование строгих количественных методов в политической экономии XVIII-XIX вв. не имело предсказательной силы точных наук. Методологическая же традиция, истоки которой уловимы в трудах Петти и Кенэ, не потеряла своего магнетизма по сей день, проявляясь в особом способе теоретического и практического мышления.

Все три типа редукционизма, выделенные И. Барбуром, восходят к ньютоно-декартовой методологии теоретического анализа. Согласно Декарту, рассматриваемое явление вычленяется из ряда других, а затем препарируется, разбивается на составные мелкие части, чтобы быть согласованным с некоторой идеальной ситуацией, вытекающей из принятия априорных принципов. Такое представление о явлении рождает гипотезы, на основе которых модель оригинала предстает упрощенным и иногда искаженным аналогом оригинала. В данной связи следует подчеркнуть, что редукционистской методологии соответствует определенный способ мышления исследователя-разработчика-управляющего. Он заключается в способности формулировать проблемы и гипотезы, а затем разбивать их на части, а мир — на фрагменты. В результате сложные процессы сводятся к простым, элементарным. Решаемые задачи становятся более легкими, процессы — управляемыми.

Логика Ньютона в физике, методология Декарта в философии, построение «картин» и «экономических таблиц» в политической экономии — каждый из этих феноменов в той или иной степени способствовал тому, что во второй половине XIX века появились всеохватывающие модели общества, в буквальном смысле «теории на все случаи жизни», сложно построенные, работающие с огромными упрощениями, и способные, не смотря на свою сложность и упрощения, дать ответы лишь на некоторые аспекты поставленных вопросов. В таких случаях говорят об одномерных теориях, создаваемых с целью идентификации перводвигателя социальных процессов. В основе их построения — все тот методологический редукционизм.

Приверженные редукционистской логике, классики (К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер) для объяснения какого-либо положения вещей, обращаются к некоему центральному положению как к объясняющему элементу, без того, чтобы проблематизировать его самое как нечто, нуждающееся в объяснении. Маркс, например, привлекал

традиционное для исторической экономической мысли понятие труда к объяснениям массы разнородных положений вещей. Положив в основу один заветный кирпичик, он, вслед за Смитом и Рикардо, намеревался возвести здание экономической науки, конструируя одну-единственную целостную монистическую теорию стоимости, где принцип монизма означает исхождение из единого источника стоимости, являющегося единым основанием цены, единым источником доходов и богатства общества.

Таким образом, в экономической науке XIX века, направленной на обоснование циклической линейности рыночного саморегулирования, были разработаны методологические приемы, позволяющие исследователям редуцировать общество к экономике, экономику — к производству или рынку, последние — к стоимости, стоимость — к количеству труда, рабочего времени и денег, выводя из них цены, выручку, прибыль, процент, заработную плату, ренту, капитал, богатство, — с тем, что бы сложить из этих составных частей общество и порядок вещей в нем, замещающий собой живые связи между людьми, человеческие общественные отношения.

2. Рассмотрим, как общество, социальные отношения и человек трактуются в «поведенческой» проблематике теории цены средствами экономического редукционизма?

В XIX-XX вв. теория цены и конструирующие ее концепты товарной ценности оказываются в фокусе внимания социальной философии — прежде всего, в связи с тем, что речь в них идет о таких отношениях между людьми, которые формируются в процессе заключения и реализации рыночных сделок, но экстраполируются на общество в целом. Выстраивание этих отношений в чистой экономической теории осуществляется с разных философских позиций. Э.Дюркгейм разработал метод конструирования группового сознания, путем отслеживания влияния социальной среды на процесс его формирования. Г. Зиммель определял общество не как синкретичное целое, а как совокупность отношений между группами индивидов, что повлекло за собой превращение социологии в теорию человеческих отношений. *Каким качеством наделялись социальные отношения? Какой метод позволил классикам анализировать их как «вещные»?*

Изучение правил рыночного поведения, максимально благоприятных для роста материального общественного богатства восходит

к понятию «естественной природы человека», традиционному для мыслителей XIX века. Они полагали, что для человека «естественно» вести себя, подобно торговцу на рынке, и что любой другой образ действий есть искусственное экономическое поведение, результат внешнего вмешательства в сферу врожденных человеческих склонностей; что рынки возникают стихийно, стоит лишь оставить людей в покое; что с точки зрения морали практическая возможность создания экономического общества корениться в неизменных свойствах человеческой натуры: мотиве корысти и выгоды, результаты которых измеряемы; в ожидании вознаграждения за труд; в ограничении трудовых усилий неизбежным минимумом. Личный интерес, денежная выгода — поведенческие (мотивационные) стереотипы экономического редукционизма (а в первую очередь, отражение исследовательского отношения к стоимости и труду), — задают вектор развитию общества в направлении количественного роста общественного богатства, истоки которого формируются не в социальной, а в экономической сфере научного анализа.

Вообще, в трудах классиков можно обнаружить как минимум четыре типа меновых отношений: «человек-вещь» (Ф. Кенэ), «человек-человек» (А. Смит), «вещь-вещь» (Д. Рикардо, К. Маркс), «человек-как-вещь — человек-как-вещь» (К. Маркс). Изучение экономического целого у Кенэ сводится к акценту на понятие трудовой стоимости и к исследованию отношений между вещами и «государственным» человеком (в роли последнего оказываются предприниматели-фермеры). По выражению Маркса, «онтологический сдвиг» Смита к понятию меновой стоимости отражает иную, чем у Кенэ, направленность: от отношений между человеком (в единственном числе) и вещами Смит переходит к отношениям между людьми. Рикардо, акцентируясь на трудовой стоимости, свел меновую стоимость к математической пропорции товарного обмена, отражающей количественное воплощение труда в обмениваемых посредством денег товарах. Следовательно, у Рикардо речь идет об отношениях между товарами. Маркс, с одной стороны, вслед за Рикардо под меновой стоимостью понимал математическую пропорцию товарного обмена. С другой стороны, под меновой стоимостью Маркс понимал «вещное» (т.е. опосредованное товарно-денежными сделками) общественное отношение между людьми. В любом случае, первые три типа меновых отношений основанием своим имеют один и тот же мотивационный стереотип рыночного поведения: ориентацию на извлечение личной

выгоды в материальной или денежной форме. Ориентация индивидов на общественную выгоду («благо») у Кенэ и Смита есть само собой разумеющееся следствие действия «природного закона» или «невидимой руки рынка». У Маркса данная ориентация есть неизбежный результат действия «пролетарской революции». Несомненно одно: независимо от акцента на личную или общественную форму, во всех четырех позициях речь идет о материальном или денежном выражении «выгоды»*.

Мотивированность человеческих взаимодействий в обществе материальной и/или денежной формой дохода — в чистом виде поведенческая технология экономического редукционизма. Акцент на количественной определенности стоимостного ценообразования обеспечивал прогнозируемость результатов любой деятельности. Калькуляционная процедура такого прогноза основана на устойчивых мотивациях, результаты которых подлежат вычислениям. Альтруизм, долг, благотворительность — мотивации крайне непостоянные, в отличие от эгоизма, полагающегося на трезвый расчет материальных потребностей. Устойчивость и повторяемость материально-эгоистических стереотипов человеческого мышления, поведения, действия позволяет наблюдать и измерять исследуемые явления, замещать качественные особенности индивидуальной деятельности свойствами типичного, усредненного, нормативно-программируемого — всего того, что воспроизводит одномерный социальный порядок экстенсивного экономического роста. Следовательно, в фокусе экономического анализа — лишь те мотивации, результат действия которых измеряем. Сведение деятельностного процесса к денежным тратам в целях подсчета выгоды, трактуемой как удовлетворение материальных потребностей — признак экономического редукционизма. Маркс редуцировал индивидуального человека к выполняемым им экономическим функциям, к рабочей силе и вещным ресурсным затратам, а австрийские маржиналисты редуцировали его к процессу переживания и удовлетворения потребности, к процессу насыщения организма от потребления полезности нужного (предельного) количества благ. Опираясь на понятие предельной полезности, неоклассики редуцировали человеческое поведение к рациональной мотивации и экономической выгоде в ее денежном или материальном выражении. Ориентация на спрос и принцип «максимизации выгод и минимизации затрат» в их абстрактно-общем понимании нивелирует внутренний

* Дюмон А. *Nemo aequalis*. Генезис и расцвет экономической идеологии.

мир личности, своеобразие ее духовных и материальных потребностей. Усилиями Дж.Хикса, человек, пусть и абстрактный, вообще был изгнан из экономического анализа. В целях вытеснения психологии за пределы позитивной экономической науки, Хикс предложил перейти от анализа человеческой природы к анализу самих цен, ограничившись построением кривых безразличия. Он допустил, что теорию цены можно сформулировать без участия гедонистической концепции человека: для этого необходим переход от объяснения причины к регистрации самого факта выбора. Последнее позволяет заменить простейшие свойства выбирающего человека простейшими свойствами математических функций, требующих от человека лишь последовательности и непротиворечивости шагов выбора*.

В целом, фундаментальным основанием применения схемы экономического редуционизма к моделированию рыночных правил поведения видится тот факт, что поведение это изначально редуцируется к поведению определенного типа: «потребительскому», ограниченному направленностью индивида на удовлетворение «базовых» потребностей, помещенных А. Маслоу в основание своей «пирамиды». В современном маркетинге моделируются различные типы потребительского сознания, практикуются различного рода технологии (например, НАП), расширяющие зону этого сознания посредством редукции каких-либо иных оснований (прежде всего, духовных) человеческой жизни к материальным интересам и смыслам культуры массового потребления. Жизнь помещается в рамки искусно создаваемого «успешного» бытия, где человек-разумный становится экономическим человеком, чья творческая активность направляется инстинктивно-биологическими импульсами, мотивациями и потребностями, наиважнейшие из которых — потребности в выживании, безопасности, комфорте. Самопознание (поиск Себя-в-себе) и самореализация, адекватная открытию подлинного «Я», — практики, запредельные рыночным поведенческим стереотипам существования людей в обществе. Товарно-денежные отношения между людьми, не имеющими опыта самопознания, по определению — вещны, по умолчанию — хищны. Обусловленные фундаментальными потребностями, они статичны. Существование подобного рода суть экономически редуцированное социальное бытие. В нем общественное воспроизводство и сама экономика имеют экстенсивный характер и превращаются в сферу обслуживания производства вещей, включающее и

* Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории. М., 1993.

«производство» человека как подвида вещей, как товара с определенными качествами и потребительскими свойствами. Характерной особенностью такого социального бытия представляется его гомогенная целостность, собираемая/разбираемая из типично-вещных общественных отношений, жесткие неизменные структуры которых пронизывают все стандартные части («сферы») человеческой жизни и деятельности (массовое производство, обмен, потребление), собирая их в тотальное единство.

Методологический редукционизм интересен так же тем, что выражает определенную схему мышления, специфический порядок вещей в головах не только исследователей-теоретиков, но и практически действующих в экономике людей — предпринимателей, менеджеров, государственных деятелей, работников. Идея стоимостных взаимозависимостей, описывающих экономику как единое упорядоченное целое и раскрывающихся посредством системы логически связанных отношений, оборачивается стереотипом принятия решений, стандартом деятельности. Логика мысли становится логикой деятельности и поведения: в полном соответствии с гегелевским тождеством бытия и мышления в головах людей живет представление о том, что реальность является системой логически связанных отношений.

Деятельностной технологией экономического редукционизма можно назвать стандарт минимизации затрат и максимизации прибыли, являющийся в экстенсивной экономике основанием закона «экономии на масштабе». Товары зрелого индустриального общества стандартны, серийны, и основным типом их роста является количественное увеличение. Чем больше масштабы, тем большую экономию дает рост масштаба. Необходимым моментом экономии за счет масштаба является углубление специализации, нарастание структурирования, дробления производственного процесса. Чем больше стандартного в поведении, тем точнее соответствие стандарту производимого продукта, тем опаснее всякая индивидуализация, всякое отклонение от нормы и стандарта. Люди в таком обществе становятся особого рода материалом, сырьем (как в построениях Маркса). Их действия начинают подчиняться заданным параметрам циклов созданных ими машин. Связи между ними устанавливаются посредством вещей. С одной стороны, в процессе вещного машинного производства, где человеческие силы слиты с мощностью машин, с другой — в процессе переживания вещных потребностей. Повторяющиеся циклы производства и его расширение требуют все нового вовлечения

абстрактного человеческого материала, редуцированного к вещественному (к ресурсам, технологиям, оборудованию). Однако новизна этого материала ограничена известными, заранее определенными производством, свойствами — простотой, однородностью, сводимостью производительной силы к часам рабочего времени, а потребительной способности — к денежным измерителям. Как директивный, так и индикативный типы планирования процесса размещения трудовых ресурсов в рыночной/распределительной экономике индустриального общества реализуются в рамках логической цепочки «абстрактное — типичное — стандартное — вещное». Необходимым моментом экономики за счет масштаба является углубление специализации, нарастание структурирования, дробления производственного процесса.

Социальными стимулами экономического редуционизма как мыслительной схемы и деятельностной технологии можно назвать живой набор поведенческих стратегий (стереотипов, стандартов), который оформился институционально и стал поддерживать в обществе абстрактный порядок вещей. К таким стратегиям в современном российском обществе, например, можно отнести стереотипы прямого подчинения на уровне цехов, институциональное навязывание центром услуг подрядчиков, осуществление бартерных сделок, поддерживающих формальные отношения, и воспроизводящих тем самым в верхних эшелонах ориентацию на самодостаточность в виде жестко структурированных сетей взаимоотношений внутри министерств, главков, трестов.

Теоретической, поведенческой и деятельностной технологией экономического редуционизма можно назвать стереотип мышления, позволяющий выводить закон экономического воспроизводства общественной жизни на основании обращения к количественной составляющей социального развития — к практической ориентации сознания граждан на линейный рост национального и личного дохода, — основанием своим имеющей редуцию стоимости к количеству труда или денег, а значит, сведение возможных траекторий общественного развития к одной единственной, «объективно» желанной, заданной. Экономическому редуционизму как технологии особого рода имманентны вещьность, абстрактность, количественная определенность.

Экономический редуционизм применим (теоретически и практически) в условиях экстенсивного типа социального воспроизводства, там, где общество характеризуется гомогенной

целостностью, общественные связи абстрактны, вещны, статичны, жестки, а динамика экономического роста — количественно-накопительная и линейная.

IV

Границы экономического редукционизма: парадоксы интенсивного социального воспроизводства в современной мировой экономике и современные тенденции развития экономической теории

Линейные рыночные отношения носили прогрессивный характер до тех пор, пока не приобрели статуса всеобщих. Критической точкой в развитии рыночного хозяйства стала середина XX столетия (60-е — 70-е годы), когда рыночная экспансия достигла своих крайних пределов, а технический прогресс принял формы, делающие невозможной ту унификацию массового воспроизводства, на которой и основывалась рыночная структура. Экономической причиной данного положения вещей стало перепроизводство в потребительском секторе продуктов физического труда и массового производства, тесно связанное с изменением удельного веса той части деятельности активной жизни населения, которую большинство людей вынуждено было тратить на обеспечение поддержания материальных условий жизни. В таком обществе ценность базовых материальных благ девальвируется. Таким образом, предел индустриального хозяйствования экстенсивного типа обнаружился с достижением обществом такого уровня удовлетворения насущных потребностей индивидов, при котором стремление к дополнительному получению стандартных материальных благ перестало обеспечивать динамику хозяйственного прогресса. Социальным импульсом появления данного феномена послужил зафиксированный социологами процесс выделения индивида из общей массы, идентификация им своих границ бытия-в-мире.

Потребность индивида в самореализации, вызванная интересом к проявлению своих творческих сил, устремляет его к освоению знаний и получению профессиональных навыков, с целью использования их в каком-либо делопроизводстве, удовлетворяющем, если не базовые, то «комфортные» потребности успешно-здорового образа и стиля жизни. Любое ли делопроизводство поддерживает систему вещных общественных отношений?

В рыночной повседневности, как и в схеме Маслоу, «духовные» потребности жестко привязаны к базовым, поскольку размежаются (пусть на другом уровне) в пространстве одной и той же «пирамиды». Вот и получается, что процесс индивидуальной самореализации протекает в жестко задаваемом и социально одобряемом товарно-денежном режиме (где достаточно раскрыть и развить способности к сбору, осмыслению и оформлению информации потребительского назначения и смысла). А что, если самопознание понимать не как раскрытие способностей, обслуживающих нужды потребительского общества, а как выход за границы трехмерно-пирамидального (спрос-предложение-цена) пространства, как расширение сознания своего «я», включение его в самый широкий контекст бытия-в-мире? В этом случае речь должна об опознании границ потребительских желаний личностного «я» с целью идентификации его подлинных проявлений, выходящих за пределы потребительских смыслов и соответствующей им ниши сознания. Расширенное «запредельным» личностное «я» в любом делопроизводстве перестает поддерживать систему вещных общественных отношений. Со-бытие познающих Себя-в-себе индивидов трансформирует пирамидальный контур повседневности, оборачивается делопроизводством в ее пограничном пространстве невещных межперсональных связей. Пограничное измерение социального со-бытия обладает гетерогенной целостностью единства-во-множестве. Его особенность — качественное накопление материального и нематериального богатства путем модернизации экономического и человеческого капитала, технологий, оборудования, образования (т.е. интенсивный тип экономического роста и самой экономики).

В концепции постэкономического общества, сформулированной В. Иноземцевым*, выделены следующие особенности интенсивной формы социального воспроизводства: информация и знание как основная производительная сила и производительный ресурс общества; вытеснение физического труда умственным; выделение творчества в процессе умственного труда; появление элитных слоев населения в классовой структуре общества; тенденция отрыва элиты от масс; нарастание противоречивого характера социального воспроизводства. Выясняя границы теоретического и практического применения экономического редукционизма, будем ориентироваться на положение о

* Иноземцев В. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998

противоречивости социального воспроизводства в современной мировой экономике. В призме данной установки становится видимой парадоксальность повседневной хозяйственной практики.* К экономическим парадоксам интенсивного социального воспроизводства следует отнести:

1. *Парадокс индивидуализации массового (серийного) производства.* Спрос потребителей удовлетворяется посредством массового изготовления продукции на заказ. Безликого «массового потребителя» сменяет индивидуальный заказчик. На поток поставлено производство самой различной продукции — от фирменных джинсов «Levis», скроенных по фигуре заказчика, до нового модельного ряда автомобилей, с теми или иными специфическими модификациями, учитывающими пожелания заказчика. Автомобиль, изготовленный под определенного заказчика, модельные джинсы, специально для данного индивида разработанное предложение финансовых услуг. Путем отлаженного процесса доводки продукта под заказчика делается попытка преодолеть ограниченность серийной технологии.

2. *Парадокс социальной устойчивости качественно изменчивой экономики.* Качественная определенность товарного мира — неотъемлемая характеристика социального бытия. Система непрерывной диверсификации выпуска небольших партий многообразных товаров, появление категория товаров разового использования, реинжиниринг предприятия делают экономическую изменчивость (характеристику качества жизни) гарантом воспроизводства идентичности и динамической устойчивости социальной системы.

3. *Парадокс социальной многомерности экономического развития.* Посредством понятия «качество жизни» стало возможным выделить аспекты общественной жизни, не поддающиеся чисто количественным методам измерения и оценки, ставящие предел стоимостной калькуляции товарно-денежных отношений. Например, возникает проблема измерения качеств человеческой деятельности**.

4. *Парадокс всемирной трансформации физического труда в интеллектуальный.* В процессе переориентации примитивных видов услуг на индивидуализированные, требующих высокой квалификации, в сферу сервиса включились целые сегменты образования,

* Иноземцев В. Парадоксы постиндустриальной экономики// Мировая экономика и международные отношения. 2000. №3. С. 3-11.

** Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. Учебное пособие для гуманитарных вузов. М., 1996. С. 143.

здравоохранения, науки, культуры; это привело к изменению качества жизни не только в рамках национальной экономики развитых постиндустриальных стран, но и на пространстве всего мирового хозяйства.

5. *Парадокс роста четырех секторов* (правительственные расходы, здравоохранение, образование, досуг), составляющих больше половины экономики развитых стран и не подчиняющихся правилам «свободного рынка» и экономическим законам спроса и предложения, не отличающихся высокой ценовой чувствительностью, не подходящих под стандартные экономические модели и теории.

6. *Парадокс непотребления*: Число «непотребителей» продукции даже самого крупного предприятия (не являющегося государственной монополией) значительно превышает число потребителей. 70% населения не пользуется его товарами или услугами. Немного найдется предприятий, доля рынка которых превышает 30%. Следовательно, у огромного числа предприятий «непотребители» составляют свыше 70% потенциального рынка.

7. *Мотивационный парадокс сосуществования денежных и неденежных форм дохода*. Наряду с денежными формами дохода (прибыль, возврат на капитал, зарплата, прибыль в расчете на одну акцию, дивиденды от операций с ценными бумагами), появились неденежные: уровень жизни, безопасность, забота об окружающей среде, отдых, необычные виды продукции, рента отношений, формы символического капитала (имидж, престиж, статус, удовольствие от самореализации, от общения с партнерами).

8. *Парадокс идеального воспроизводства товарной стоимости*. Цены на некоторые товары (высокая мода, предметы искусства, роскоши, особые технологии) в малой степени связаны с базовыми расходами на их изготовление. Выдвинута гипотеза, что стоимость этих товаров есть стоимость-знание, ее величина переменна, подвержена резким и неопределенным колебаниям самой творческой природы человека.

Вышеперечисленные экономические парадоксы интенсивного социального производства оказываются за рамками линейной рациональности экономической теории, а значит, самим фактом своего существования намечают предел применению технологий экономического редуccionизма. Допущение неопределенности ставит под вопрос эффективность прогнозирования. В повседневной жизни современного общества даже маленькая неточность в исходных

экономических условиях может произвести непредвиденный эффект в дальнейшем. В экономическом анализе таких сложных систем становится велика роль предпосылок. Предпосылки нужно уметь правильно учитывать — например, в связи с тем, что в международных расчетах динамика некоторых валютных курсов перестает быть полностью детерминированной начальными параметрами. Детерминизм в формировании равновесия здесь соседствует со стохастическими процессами его разрушения.

Теоретики* заговорили также о неразрешимости проблемы соотношения теоретического (условного, модельного) и реального времени, неотделимого от неопределенности. Реальное время необратимо. С одной стороны, фактор времени исключает эксперимент как исходный момент и проверку теории; с другой — ставит проблему построения динамической экономической теории (теории экономической динамики). Такая теория предполагает возможность изменения параметров системы. Она подразумевает аппарат получения информации не только о реализовавшихся траекториях, но и о других допустимых (виртуальных) траекториях. Оценка, учет, математическое описание экономических аспектов общественного развития — открытая проблема.

Возникает так же проблема применимости теорий на практике. Адекватное практическое применение любой экономической теории предполагает осознание ее ограниченности (идеологическими, социокультурными и пр. метафизическими компонентами, принятыми допущениями и упрощениями). Современное макроэкономическое моделирование не имеет связей ни с социально-психологическим состоянием общества, ни с микроэкономическим уровнем в силу неслучаемости множества параметров, нередко относящихся к полю деятельности других наук. А главное, в фокус исследования по-прежнему попадают только законосообразные социальные явления — повторяющиеся, сводимые к всеобщим связям, отражающим лишь агрегатные свойства жизнедеятельности людей. Существование в повседневности всего индивидуального, неповторимого, уникального (т.е. всего случайного и незакономерного) наряду с абстрактным и законосообразным, следствием своим имеет общенаучный кризис классической методологии, в частности — экономического редукционизма.

* Материалы «круглого стола» // Истоки. Вып.3. М., 2000. С. 466-482.